

Арсений Тарковский

МОНОХРОМНАЯ ПОЛИФОНΙΑ РУДОЛЬФА ХАЧАТРЯНА

Заслуженный художник Армянской ССР Рудольф Лорисович Хачатрян родился в 1937 году в Ереване в рядовой, далекой от влияния каких бы то ни было искусств семье. Разве что мать будущего художника любила вышивать белыми нитками по белой ткани так, что вышивка получалась рельефной, и, может быть, пристрастие матери послужило залогом развития дарования сына. Ему не исполнилось еще и пяти лет, когда он принялся рисовать для матери узоры, по которым она вышивала.

Ребенком он умел видеть сны наяву. Однажды ему привиделось нечто светлое, прекрасное, но и столь пугающее, что пришлось спрятаться с головой под одеяло. Звук чудовищной силы колебал пространство его комнаты об одном маленьком окошке с наружной ставней. Этот звук был пронзителен и ярок, ослеплял глаза и был неотличим от пронзительного света. То, что увидел маленький Рудольф и то, что он услышал, повторилось трижды. Рудольф, по его словам, закричал, как рождающееся дитя. В этом он угадал некий знак: его слывало искусство. В предвидении своего будущего он всерьез, увлеченно принялся рисовать с натуры.

Очень рано Рудольф Хачатрян был принят в Художественное училище. Но тут у него проявилась дерзостная индивидуальность, он не терпел никакого принуждения, а в школе его заставляли заниматься рисованием по обычной школьной программе. Для него это был пройденный этап. В школе он учился недолго. Из школы его исключили.

Тогда, бродя по ереванским улицам, он принялся с поразительным сходством рисовать портреты встречаемых стариков и старух. Лица их привлекали его контрастом со своим, еще мальчишеским лицом—привлекали слезящимися глазами, морщинами и свойственным дряхлости выражением сосредоточенной печали.

Однажды за этим занятием его застиг живописец и скульптор Ерванд Кочар. Это был и мыслитель, и представитель армянской богемы, широко известный в народе «Маэстро». Иначе к нему никто и не обращался: «Маэстро! Маэстро!».

К тому времени Рудольфу Хачатряну исполнилось пятнадцать лет.

— Мой мальчик,—сказал Маэстро, сегодня же вечером принеси мне свои рисунки. Моя мастерская вон за тем садиком.

Так с Рудольфом Хачатряном случилось то, что иногда происходит в добрых казках.

Отобрав лучшие рисунки, вечером он пришел к Маэстро.

Кочар просмотрел их и воскликнул с пафосом:

Рудольф Хачатрян. Автопортрет.

— Дух Леонардо жив!

Рудольф Хачатрян тогда еще не знал, кто такой Леонардо.

Кочар сказал:

— Хорошо, что тебя выгнали из училища. По-моему, им больше нечему тебе учить.

Рудольф Хачатрян никогда не рисовал в присутствии Ерванда Кочара. Он только выслушивал его наставления и советы. Подросток и ереванская знаменитость подружились.

Похвалы и наставления Ерванда Кочара подросток тоже воспринял как добрый знак, как обещание, должествующее оправдаться в грядущем.

Когда Рудольфа исключили из Художественного училища, его родители решились, что он трудный ребенок, никудышный художник, без каких бы то ни было способностей, без будущего.

Пришел дядя Никола, портной-закройщик, главный советчик в семье. Дядя Никола настойчиво говорил:

— У тебя только одна дорога: ты пойдешь ко мне в ученики. Потом из тебя получится лучший портной в городе. Хватит заниматься твоей мазней. Ты будешь есть не чужой, а свой хлеб. Не слушаешь меня—пропадеешь зазря.

Но Рудольф не пошел к дяде Никола в ученики.

Отец Рудольфа, человек строгий, решительно заявил:

— Я не буду больше ни кормить тебя, ни одевать. Поступай, как хочешь. Зарабатывай на хлеб сам.

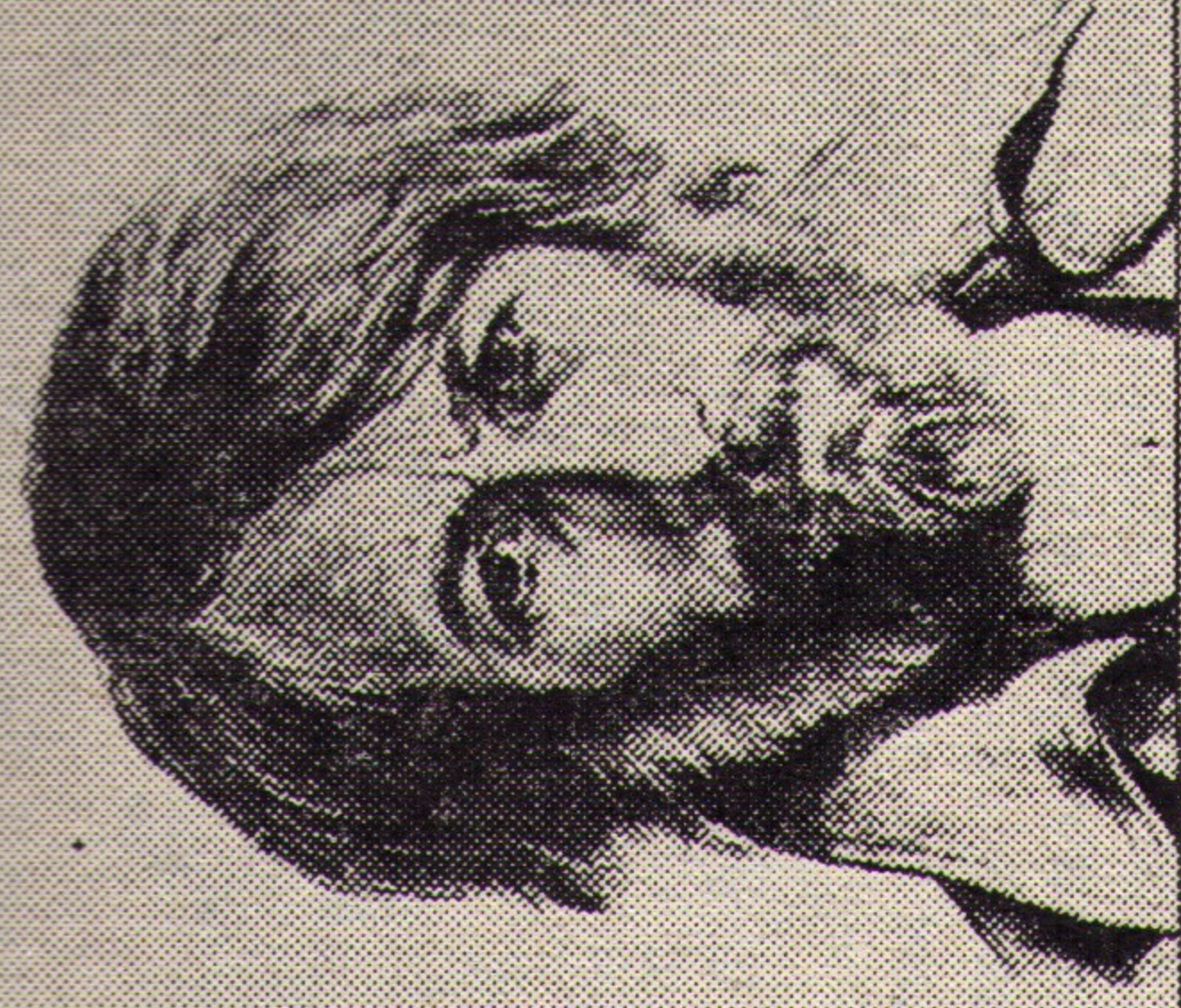
Напрасно Ерванд Кочар посещал Хачатрянов-родителей и пророчил своему юному другу прекрасное будущее. Отец стоял на своем.

И подросток оставил родительский дом и свою комнатушку в этом доме нанялся на стройку, и таскал туф, и камни были большие, тяжелей кирпича, после работы—опять работал: рисовал до ночи и за полночь. И спал не больше четырех-пяти часов, утром едва продирая глаза, но приходилось спешить к стройку и снова таскать камни, и не было им конца.

Рудольф Хачатрян никогда не забудет своего друга и наставника. Духовный образ Маэстро навсегда закрепился в его благодарном сердце. Он никогда не забудет также изнурительной тяжести туфа в руках, предназначенных для другого дела.

Дружба с большим художником и работа на стройке были первой настоящей школой—художественной и жизненной—начинающего мастера рисунка.

Подобно многим молодым художникам нашего времени, Рудольф Хачатрян не устоял перед влиянием модернистских школ. Он был заворочен кубизмом. (

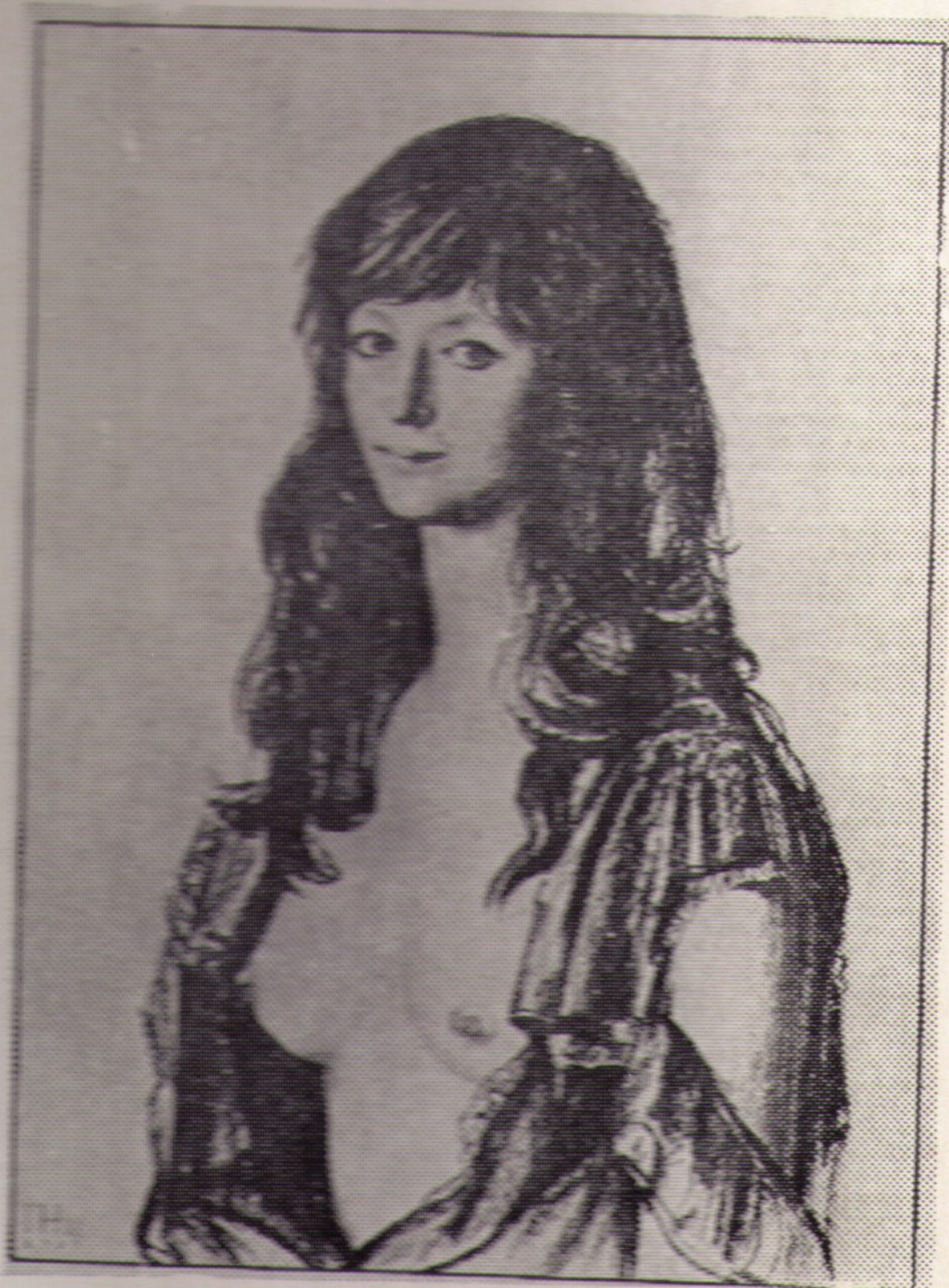
Творческий подвиг высокой человеческой души, как мы видим это на примере служения искусству Рудольфа Хачатряна, гуманистичен по своей природе. Художник верит, что на свете нет ничего могущественнее человеческого духа, драгоценней хрупкой человеческой жизни и окрыленности самых светлых и высоких человеческих надежд.

Р. Хачатрян. Армянский сфинкс

Р. Хачатрян. Абул Ала Маари

Р. Хачатрян. Юная

ISSN 0130—8114

Литературная Армения

5.83

